

«НЕСЧАСТНЫЙ ДНЕВНИК». АРХИЕПИСКОП ЯПОНСКИЙ НИКОЛАЙ И ЕГО ЗАМЕТКИ

Анатолий Александрович ЩЕРБИНА,
старший преподаватель кафедры все-
общей истории ДВГУ

В августе 2006 г. научная и православная общественность России и Японии отметила 170-летие со дня рождения великого миссионера архиепископа Японского Святого равноапостольного Николая (в миру Иван Дмитриевич Касаткин. 1836—1912 гг.). Пятьдесят лет жизни и миссионерского служения в Японии святителя Николая внесли в установление добрососедских отношений и взаимообогащение культур двух народов такой вклад, который с годами становится все более зримым, многообразным и весомым.

После долгого перерыва, вызванного революцией и второй мировой войной, воинствующим атеизмом официальной идеологии советского государства, интерес к личности и деяниям о. Николая был возрожден Русской православной церковью (РПЦ): в год 100-летнего юбилея учреждения Русской духовной миссии в Японии и рождения Японской православной церкви 10 апреля 1970 г. о. Николай был канонизирован и наречен святым равноапостольным РПЦ наряду со святыми Кириллом и Мефодием, Ольгой и Владимиром, Иннокентием (Вениаминовым), «апостолом Сибири и Аляски», учителем и наставником в миссионерстве о. Николая.

В 1975 г. был опубликован обстоятельный очерк архиепископа Антония (Мельникова) «Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай», явившийся прологом современных исследований жизни и деятельности о. Николая¹. Однако широкий интерес к о. Николаю и истории Японской православной церкви в России наступил лишь с конца 80-х годов и связан с подъемом общественного значения РПЦ и успешными изысканиями японских ученых. За последние двадцать лет этот интерес материализовался в виде многочисленных статей, очерков, заметок, материалов научных семинаров и конференций, докладов и сообщений, защищенных диссертаций и беллетристики².

Из всех научных и общественных мероприятий, связанных с личностью святителя Николая, одно, безусловно, составило целую эпоху. Это полное издание сохранившихся дневников архиепископа Японского Николая, выявление, расшифровка и публикация которых — плод двадцатилетних совместных усилий японских и российских ученых при активной поддержке общественности двух стран³. Как справедливо отмечали авторы комментариев первого японского издания значительной части дневников на русском языке в 1994 г., «...после издания настоящих дневников всякий рассказ об истории Японской православной церкви и о. Николае без них становится немислимым»⁴. Эта оценка

относится и к исследованию таких сюжетов, как история русско-японских отношений в самом широком смысле, в том числе культурного взаимодействия двух народов, «встреча культур», «образ Японии» в России и «образ России» в Японии, история отечественного японоведения, русское православное миссионерство и история РПЦ. После публикации дневников наиболее актуальной научной задачей является их изучение в единстве с другими источниками, прежде всего архивными, в том числе с огромным эпистолярным наследием о. Николая, разбросанным по многочисленным архивохранилищам.

Тщательное изучение дневников — задача длительной кропотливой работы многих специалистов, связанной с нерешенными вопросами происхождения, сохранности, особенностями дневниковых записей и отношением к ним самого автора.

На необходимость вести дневник иеромонах Николай Касаткин был отечески наставлен митрополитом Петербургским Исидором и вел его уже во время своего путешествия из Петербурга в Хакодате. Сохранилось об этом свидетельство самого Николая: «Во время этого путешествия я, конечно, вел путевой дневник, но он полностью сгорел во время пожара, когда я еще жил в Хакодате»⁵. О том, что о. Николай вел дневник, было хорошо известно его современникам⁶. Благодаря найденному в 1997 г. письму его преемника, епископа Сергея (Тихомирова), Св. Синоду, отправленному через два месяца после кончины святителя, стала ясна картина сохранности дневников. Епископ Сергей собрал и описал все сохранившиеся дневники, и стал, таким образом, первым их исследователем. Из описи следовало, что сохранившиеся дневниковые записи охватывают период с 1870 по 1911 г. При этом о. Сергей сделал следующие выводы: 1) «Ежедневные систематические записи велись почившим Высокопреосвященным Николаем с 14 (26) мая 1895 г. по 27 декабря 1911 г. (9 января 1912 г.), когда высокопреосвященный тяжело заболел». 2) «Ввиду того, что весь означенный материал представляет высокую ценность и при своевременном издании может дать читающей публике высокоинтересное чтение, а Духовной Миссии в Японии большой капитал, я имею честь почтительнейше просить Святейший Синод преподать Русской Духовной миссии в Японии свои указания и распоряжения относительно хранения и издания выше переписанных дневников, миссионерских заметок и тетрадей»⁷. По распоряжению Св. Синода дневники вместе с другими бумагами архиепископа Николая были переправлены в Россию и после революции оказались в фондах РГИА в Петербурге среди бумаг Св. Синода.

На основании донесения епископа Сергея Св. Синоду профессор К. Накамура пришел к выводу, что на момент кончины св. Николая в 1912 г. дневников за период с 1861 по 1870 г. и за май 1891 г. «уже не существовало», и далее привел версию о пожаре, намекая, что сгорел не только путевой дневник за 1860—1861 гг., но и другие указанные выше как утраченные.

Впервые дневник упоминается о. Николаем в письме к митрополиту Исидору от 15/27 июля 1868 г., которое было опубликовано по инициативе последнего в журнале «Христианское Чтение» под названием «И в Японии жатва многа... (письмо русского из Хакодате)», причем в название вынесена измененная фраза из письма⁸. Повествуя о подробностях начальных шагов своей миссионерской деятельности среди японцев и тайном крещении трех первых из них, иеромонах Николай пишет: «выписываю из моего дневника» (курсив мой. — А.Щ.). Сама выписка в публикации отсутствует, как явствует из примечания редакции, «...выписка опущена по уважительным причинам». Видимо, из-за нежелания повредить новообращенным, так как закон о запрете христианства

в Японии был отменен лишь в 1873 г. О том, что публикацию осуществил митрополит Исидор, сообщает сам иеромонах Николай в докладной записке директору Азиатского департамента МИД России П.Н. Стремоухову от 12 июля 1869 г.: «В письме моем к высокопреосвященному митрополиту Исидору, которое его высокопреосвященству угодно было напечатать в февральской книжке «Христианского Чтения» текущего года, на страницах 247—255 изъяснено, чем я занимался, живя в Хакодате, и что сделал⁹».

Судьба упомянутого дневника неизвестна. Версия уничтожения при пожаре дневников 1860—1870 гг. ставится под сомнение следующими фактами. Иеромонах Николай проживал в Хакодате с 2/14 июня 1861 г. по март/апрель 1869 г., вторично после возвращения из России в сане архимандрита — с марта 1871 по февраль 1872 г. О пожарах и их результатах за это время есть весьма точные сведения. Во-первых, в письме митрополиту Исидору, где цитируется дневник 1868 г., Николай сообщает, что в Хакодате... «от двукратного пожара русского консульства уцелело именно столько зданий, сколько нужно для миссии: церковь, дом при ней, в котором жил священник, и еще небольшой домик¹⁰». В дневниковой записи 12/25 июля 1901 г. читаем: «В 1865 г. здания консульства, за исключением церкви, дома священника и небольшого дома переводчиков, сгорели; в 1867 г. сгорел госпиталь...¹¹» Назначенный консулом в мае 1865 г. Е.К. Бюцов в письме военному губернатору Приморской области П.В. Казакевичу от 11/23 октября 1865 г., обращаясь за финансовой помощью, ссылается на необходимость «...неизбежных расходов на устройство помещения для членов консульства, здания которого истреблены пожаром»¹². Пожар случился в феврале 1865 г. при консуле И.А. Гошкевиче. Таким образом, могли сгореть дневники с записями до февраля 1865 г. и в том случае, если находились не в доме священника. В любом случае дневники за последующие три года существовали и были целы в 1868 г. Более того, есть основания полагать, что, отправляясь в Россию в апреле 1869 г., Николай взял их с собой. Анализ докладной записки П.Н. Стремоухову показывает, что она была написана или по крайней мере завершена в России (в Петербурге), и при ее составлении Николай мог использовать обширные выписки из своего дневника. Столь глубокую по содержанию докладную записку невозможно было составить, опираясь лишь на одну память. Из японских книг в распоряжении Николая «под рукой» в России была лишь «Нихон гайси», на что указал он сам. В то же время детали японской мифологии, приводимые Николаем при характеристике национальной религии синто, указывают на использование анналов Японии «Нихон-секи», в другом месте он прямо цитирует японскую брошюру 1868 г., английские газеты в Японии, указывает на буддийский молитвенник Меохоренгеке, «...я читал одно жизнеописание Будды»¹³ и т.д.

Был ли продолжен дневник во время пребывания его в России в 1869 г., неизвестно. Новый дневник открывается записью 1 марта 1870 г. в тетради, первой из сохранившихся. «Прилично начать мне свой дневник описанием виденного мною второй и, быть может, последний раз в жизни «Торжества православия», совершавшегося в Исаакиевском Соборе». Цель ее — сохранить опору своей веры на далекой чужбине. «Да не умрет у меня в душе эта минута «Торжества Православия» там, на далекой чужбине! Да вспомнится она мне чаще и да хранит непоколебимым в вере и надежде среди волн угрюмого и мрачного язычества!»¹⁴ Вопрос об учреждении духовной миссии был решен, и Николай, начиная новый этап своей жизни, открыл дневник с записи духовной опоры своей будущей проповеди. Однако сохранившиеся в этой тетради записи 1870—1876 гг. чрезвычайно лаконичны, хотя и связаны

между собой; может создаться впечатление, что между заметками 1870—1872 и 1876 г. он более ничего не писал: всего 14 страниц дневниковых заметок «к самому себе». А затем в этой же тетради следуют подробные миссионерские записи с 7/19 мая 1881 г. по 2/14 марта 1882 г., которые велись при обзоре церквей в областях Дзёсю и Тохоку.

При этом сохранились три отдельные тетради с дневниковыми записями от прибытия в Петербург 12/24 сентября 1879 г. по 18/30 ноября 1880 г. — возвращение в Токио. Важно подчеркнуть, что дневниковые записи велись и до сентября 1879 г.

В рапорте начальника Российской духовной миссии в Японии архимандрита Николая Совету Православного миссионерского общества от 24 декабря 1878 г./5 января 1879 г. из Токио сообщается: «Чтобы показать порядок и содержание соборных заседаний, беру смелость сделать *краткое извлечение из миссионерского дневника* о соборе нынешнего года». И далее цитируются записи о событиях 26 июня — 4 июля 1878 г.¹⁵

Обращает на себя внимание название цитируемого дневника. Среди сохранившихся дневников есть тетради с подобным названием. Дневникам о. Николай давал заглавия, несущие определенную смысловую нагрузку. Они отражают преимущественно предмет повествования. Создается впечатление, что о. Николай искал наилучшие формы для регистрации на память разноплановых событий, размышлений, фактов, пытался разделить внутренние переживания, исследования японской истории, литературы, религий и культуры и собственно миссионерскую деятельность, организационную и практическую повседневность.

Архимандрит Сергей (Страгородский) сообщает о наставлениях епископа Николая по миссионерству при объездах епархии: «...нужно не забывать, кому и когда что сказано, что постановлено, и наблюсти, чтобы было исполнено. Для этого я веду по церквам записи и притом разные: о церквах, о катехизаторах, о молитвенных домах, о сказанных проповедях и наставлениях, аккуратно записывая все в четыре тетради о каждой церкви»¹⁶. Епархиальная структура деления на четыре церкви сложилась не сразу. Еще в 1868 г., когда шла речь о создании миссии, иеромонах Николай предлагал основать четыре миссионерских стана, затем конкретизировал свое предложение в докладной записке 1869 г. Его предложения были приняты, но отсутствие надежного кадрового обеспечения препятствовало реализации этого плана. Подводя итоги деятельности миссии за первые восемь лет ее существования и строительства японской православной церкви, о. Николай в отчете за 1878 г. вновь говорил о том, что «миссии, очевидно, пришло время вступать в новую фазу существования».

Часть дневников выделяется в самостоятельную группу «Миссионерские заметки» при посещении церквей. Под этим названием значатся дневники с записями с 11/23 октября 1891 г. по 7/19 мая 1893 г., всего 5 тетрадями. Тематически к ним следует отнести дневники с записями с 7/19 мая по 13/25 августа 1881 г. — обзор церквей в областях Дзёсю и Тохоку (первая сохранившаяся дневниковая тетрадь). В этих записях Николай часто упоминает в качестве сравнения объезд тех же областей четыре года назад, т.е. в 1877 г. К этой же группе следует присоединить дневниковую тетрадь с записями с 6/18 мая по 15/27 июня 1882 г. и с 7/19 сентября по 10/22 октября 1891 г., повествующими об объезде одних и тех же областей. Рукой Николая этот дневник озаглавлен «Миссионерские заметки. Е. Николай». Титульный лист и первая страница с оглавлением наводят на мысль о дополнительной работе Николая над своими дневниками. К этой же серии примыкают дневниковые тетради № 7—9

Тихомировского списка: Сендай-Мориока — Исино-Кеоки, 1889 г., Нагоя — Осака, 1889 г.; Хоккайдо с 20 июля/1 августа по 13/25 августа 1891 г. Перерыв в дневниковых записях о миссионерских объездах объясняется занятостью Николая переводами, преподаванием, строительством собора и недостатком помощников во всех этих делах. В записи 4/16 марта 1888 г. о. Николай ставит себе задачу: «Всячески стараться поскорее кончить постройку Собора, после чего со сдачею моих школьных обязанностей вернувшимся из России, я буду иметь возможность посещать церкви. Тогда ежегодно: полгода на посещение церкви, полгода — на переводы богослужения...»¹⁷

Изучение Японии, без которого не могло быть и речи ни о какой проповеди, заложило в о. Николая мощный творческий импульс, выходящий далеко за рамки практических задач миссионерства. Уже в 1868 г. в письме митрополиту Иннокентию (Вениаминову) он писал: «Много раз меня также манила на свое поле наука, японская история и вся японская литература — совершенно непочатые сокровища, — стоит лишь черпать целыми пригоршнями, все будет ново, интересно в Европе, и труд не пропадет даром. Но наука и без меня найдет себе много сынов, пусть другие несут ей в дар свои силы, мой же всецело посвящен надеждам миссионерским». Однако желание не прошло, и в 1869 г. он опубликовал блестящий очерк «Сёогуны и микадо. Исторический очерк по японским источникам», в своеобразном введении к которому писал о намерении «...насколько позволят ему его специальные занятия, знакомить с нею (японской историей и литературой. — А.Щ.) читателей, интересующихся Японией»¹⁸. По возвращении в Японию он не оставляет этих мыслей. «Сознаюсь откровенно, я сам гораздо более склонен был заняться исключительно японской литературой, чем миссионерством», — пишет он 15 июля 1871 г. барону Остен-Сакену. Но тяжелые условия становления Японской православной церкви не дали ему этой возможности.

Во время второго посещения России в 1879 г., выполняя заказ на статью, в которой должно быть подчеркнуто политическое значение деятельности Русской духовной миссии в Японии, Николай пишет и публикует статью «Япония и Россия», замечая в дневнике, как трудно она пишется. Понимая, как мало знают в России о Японии и деятельности в ней Духовной миссии, он распространял с этой целью десятки оттисков рапорта за 1878 г., в котором фактически изложена история миссии и Японской православной церкви с момента становления, и оттисков статьи «Япония и Россия». На пути домой Николай вновь обдумывал планы научного творчества.

6 ноября 1880 г., находясь на корабле, плывущем из Гонконга в Ёкохаму, Николай сделал программную запись: «Вечером раздумался о том, что следует заняться авторством. Отрывочные мысли об этом никогда не оставляли меня, но все некогда было. И теперь будет некогда, знаю, но ради отдыха и развлечения нужно собирать материал для книжки какой-нибудь. В отдалении мелькают перспективы, Бог знает, выйдет ли что путное. Но хорошо бы писать о следующем:

1. Япония в географическом, этнографическом и историческом отношении.
2. Христианство и не-христианство, где — католики и протестанты — вроде обличительного богословия.
3. Миссионерство, то есть миссионерский дневник, и инославных миссиях все, что можно собрать.

Миссионерский дневник будет составлять ежедневную запись в книжке происходящего по миссии. По прочим предметам не иметь записных книжек,

а писать на листках все, что случится узнать или надумать, с заглавием впереди, так, чтобы легко было потом подобрать в порядок. Если будет время, хорошо бы составить программу вопросов в возможно полном объеме предположенных к рассмотрению предметов... Как это будет освежать и поддерживать! Не даст погрузиться в рутину... всегда будет свежая струя мысли, и не одна. А через десять лет, если придется посетить Россию, будет что напечатать. Итак, займемся, с Божьей помощью!»¹⁹

Можно сожалеть, что из этого блестящего плана удался только миссионерский дневник. С мая 1895 г. епископ Николай окончательно перешел к единому дневнику с ежедневными по мере возможности систематическими записями. Однажды святитель Николай написал: «...жизнь человеческая, по преимуществу, жизнь духа, и только в области духовной могут быть связаны и отдельные люди, и целые народы истинно-прочною связью»²⁰. Дневники о. Николая являются выдающимся результатом труда его души и прочною связью народов России и Японии.

¹ См.: Богословские труды: сб. 14. М., 1975. С. 7—61; Наша статья (Щербина А.А. Николай Касаткин — один из первых русских японоведов // Народы Азии и Африки. 1977. № 4. С. 154—163) появилась независимо в рамках изучения истории отечественного востоковедения и, к сожалению, без знакомства с очерком арх. Антония.

² См.: Щербина А.А. «Принужденный зимовать в Николаевске, прошу обеспечить меня средствами содержания... Материалы РГИА ДВ об архиепископе Японском Николае и российском консульстве в Хакодате // Известия РГИА ДВ. Владивосток, 2005. Т. 9. С. 68—93.

³ Дневники святого Николая Японского. СПб.: Гиперион, 2004. Т. 1—5.

⁴ Дневники святого Николая Японского. Саппоро: Изд-во Университета Хоккайдо, 1994.

⁵ Сборник проповедей и речей высокопреосвященного арх. Николая. 1911. С. 261. (Цит. по: Дневники, 2004. Т. 1. С. 459.).

⁶ См.: Платонова А. Апостол Японии: Очерк жизни архиепископа Японского Николая. Петроград, 1916. С. 74; Приамурский край. 1912. 7 февр. № 120. С. 2.

⁷ Дневники... 2004. Т. 1. С. 459—461.

⁸ Христианское чтение. 1869. № 2. С. 239—258.

⁹ Русский архив. 1907. Кн. 1. Вып. 1—4. С. 611.

¹⁰ Христианское чтение. 1869. № 2. С. 257.

¹¹ Праведное житие и апостольские труды святителя Николая, архиепископа японского по его своручным записям. Град Святого Петра, 1996. Ч. 2. С. 53.

¹² РГИА ДВ. Ф. 87, оп. 1, д. 877, л. 17—18; В письме от 31 октября 1871 г. Николай сообщал Ф.Р. Осстен-Сакену, заместителю директора Азиатского департамента: «...от грамматики, переведенной еще года четыре тому назад и сгоревшей в рукописи, к счастью, уцелели черняки (черновики. — А.Щ.)» // Хохлов А.Н. Подготовка русских переводчиков-японистов в Японии и деятельность И.Д. Касаткина // Восток. 1994. № 5. С. 68.

¹³ Русский вестн. 1869. № 9. С. 226—228, 242; № 11. С. 208.

¹⁴ Дневники... 1994. С. 3—4.

¹⁵ Миссионер. 1879. № 28. С. 222.

¹⁶ Цит. по: Богословские труды. Вып. 14. М., 1975. С. 34.

¹⁷ Дневники... 2004. Т. 2. С. 293

¹⁸ Русский вестник. 1869. № 11. С. 208.

¹⁹ Дневники... 1996. С. 358—359.

²⁰ Древняя и Новая Россия. 1879. № 11. С. 229.

SUMMARY: In August of 2006 scientific and Orthodox community of Russia and Japan celebrated the 170th anniversary of the birthday of a great missionary — Arch-Bishop of Japan St. Nicholas. The article by Anatoly Scherbina “An Unfortunate day-book. Arch-Bishop of Japan Nicholas and his notes”. Fifty years of life and missionary service of Farther Nicholas much contributed to establishing friendship relations and mutual enrichment of cultures of two peoples.